

ЗНАЙ, СВЕРЧОК, СВОЙ ШЕСТОК: что бывает с теми, кто нарушает главную заповедь российских начальников

Марк Максимович Поташник,
действительный член (академик)
Российской академии образования,
профессор, доктор педагогических наук

Три года назад автор опубликовал в журнале «Народное образование» маленькую реплику, которую мы приводим здесь полностью. По причинам, которые станут понятны читателю позже, мы сейчас убрали из текста город, где произошло событие, и номер школы.

- педагогическая этика • уважение к учителю • «элитные» классы

«А по школе сердечко всё ноет и ноет»

Недавно в одном из городов России я читал курс лекций «Урок XXI века». К концу второго дня лекций ко мне подошла учительница и передала записку:

«На днях мы читали оды М.В. Ломоносова. Ученик Ваня Никитин, которого многие учителя считают лентяем (перебивается с двойки на тройку), принёс мне листок со стихами (орфография автора сохранена):

*Славлю ту, что по десять часов
в день работает,
Ну а спит лишь за сутки не более часа.
А на утро, отбросив обиды и горести,
На уроки спешит, чуть дыша.
А в единственный день выходной
Чистит, вяжет, стирает и моет.*

*Вечерком в воскресенье немного с семьёй
отдохнёт.*

А по школе сердечко всё ноет и ноет.

Как мне быть с ним? Ведь он ЕГЭ может не сдать».

«А сами-то Вы что думаете о нём?» — спросил я. Учительница растерялась... «Я Вам завтра отвечу», — сказала она.

На другой день написала мне: «Он будет хорошим человеком, любящим отцом, например. И детей своих вырастит в уважении к учителям и ко всем, кто добросовестно трудится. Разве этого мало?».

Заметим, эти стихи, в которых мальчик тонко уловил стиль и дух од М.В. Ломоносова, он написал о своих учителях, которые считают его лентяем, относятся к нему, мягко скажем, без симпатии.

Я тогда ответил: «Тем, кто будет мальчика притеснять, скажите, что из числа даже хорошо сдавших ЕГЭ кто-то непременно вырастет негодяем. Ваня Никитин, уже сейчас видно, будет порядочным человеком. А таких много не бывает». Муж учительницы, прочитав стихи Вани, сказал жене: **«Ради таких детей можно работать учителем. Несмотря ни на что и вопреки всему».**

В суете после лекций я потерял записку с фамилией учительницы, номером школы и попросил начальника Управления образования города выяснить и прислать мне эти сведения для статьи, которая и была опубликована в 2009 году.

Меня поблагодарили и сама учительница, и начальник Управления образования города. Я считал, что сделал доброе дело.

Сейчас, три года спустя, я получил от той учительницы письмо, которое привожу с разрешения автора.

«Здравствуйте, уважаемый Марк Максимович!

Пишет Вам ...

Наверное, Вы удивитесь, получив моё письмо, а может быть, даже и вспомните историю про школу, по которой «сердечко всё поет и поет».

Простите, что ответ мой затянулся на три года. Нет, я написала сразу после полученного от Вас письма со статьёй из журнала «Народное образование», но, слава Богу, письмо не отправила. А не отправила из-за последствий, на которые сейчас спокойно могу смотреть со стороны. Не знаю, правильно или неправильно рассказывать об этом, но всё это время меня не отпускает та история, вот поэтому я Вам пишу.

Вернёмся в 2009 год.

После того, как я Вам вручила листок со стихотворением Вани Никитина, всё шло как обычно: уроки, начало подготовки к экзаменам (ГИА — 9-й класс, ЕГЭ — 11-й класс). Я всем своим ученикам показала Вашу книгу, рассказала, что Вам отдала листочек со стихотворением Вани, увидела на мальчишке рюмя-

нец смущения. Школьная жизнь шла своим чередом.

И вдруг меня вызывают на Административный совет школы. Сестры не предложили и сразу: «Вы учите Никитина? Его разыскивают по всей области! Что вы там передали академику? Что...?!». Все вопросы испуганно-презрительным и обвинительным по характеру тоном. Я — учительница — стою перед сидящими начальницами и не могу понять, в чём моя вина. Немного «отстоявшись», попросила разрешения принести то стихотворение Вани, прочитала и сказала, что ничего более не передавала. Когда вышла из «допросного кабинета», поймала себя на мысли: хорошо, что Вани в школе нет — в больнице. (Делали дома ремонт, помогал отцу снимать дверь — неудачно, травмировал руки.)

Через некоторое время пришёл в школу, гипс сняли, руки синюшные, но писать может. Ничего, говорит, всё пройдёт, лишь бы в футбол можно было играть.

Прошло несколько дней, и вдруг опять вызывают. Это сейчас я понимаю, что это «вдруг» совершенно отличалось от предыдущего, но тогда... Ноги дрожали от предчувствия очередного унижения.

В школе проходило большое городское мероприятие. Много гостей из Управления образования. Секретарь сообщает мне, что после четвёртого урока я и Никитин из 9«А» должны прийти в кабинет директора: «Сам начальник Управления будет с вами говорить». С нами? «Ну, Вы же там что-то написали академику из Москвы». И всё это снова обвинительно и с укоризной.

В конце четвёртого урока стук в дверь моего кабинета. Открываю. Ваня Никитин:

— ..., нам пора идти. Вы не знаете, зачем?

— Не знаю, но, будем надеяться, будет всё хорошо. Ваня, ты извини меня, что я тебя втянула в эту историю.

— Да не бойтесь, ..., я буду с Вами.

Пришли. Нас тут же пригласили. Теперь в кабинете я уже ни секунды не стояла, начальник Управления, улыбаясь, сам подошёл к нам с Ваней и уважительно предложил сесть. На столе были выставлены чашки, чай, конфеты, торт. От волнения и неизвестности я зачем-то стала наливать чай Ване, но только через минуту поняла, что чашка сама не танцует — это я не могу от неё оторваться... Беседа с начальником Управления была доброжелательной, долгой и интересной, и мы с Ваней поняли, что ничего страшного не совершили. Но до сих пор отчётливо помню тот момент с трясущейся чашкой под растерянные и фальшиво вежливые взоры административных дам. Когда они унижали меня, допрашивая на Административном совете, они не знали отношения начальника Управления и тут поняли, что просчитались.

Но моё благодушие продолжалось недолго. Я же не знала, что та история с моим подходом к Вам стала чёрной меткой для меня, и она дожидалась своего часа. Этот час не замедлил наступить.

Здесь надо как-то деликатно написать об одной знатной даме.

Она занимает важную должность в школе, отвечает за аттестацию учителей, мать медалистки «элитного» класса (так его всегда называли). Помните знаменитый прыжок из третьего класса в пятый? И вот в нашей школе решили опередить этот прыжок и набрать из трёх третьих классов один пятый («элитный» — сливки из каждого класса), а всех остальных оставить доучиваться в четвёртом (именно они сегодня заканчивают одиннадцатый). Отцеживала сливки та самая дама, потому что её дочь, будущая медалистка, которая сдаст ЕГЭ по русскому

языку на 100 баллов, не должна учиться не в «элитном». Как Вы понимаете, Ваня Никитин не попал в этот класс. Учительницей русского языка и отобранных, и неотобранных стала я. Дочка-отличница той дамы училась хорошо, но ни ей, ни её важной маме-начальнице не нравились мои замечания. Например, такие:

— «на ветке» — пишется окончание «е». — Нет, «и», мне мама так говорит(?!);

— это стихотворение надо читать с другой интонацией, поскольку в нём содержится иной смысл. — Нет, мне мама говорит...

Вот так и учились до десятого класса, пока не наступил октябрь 2009 года, когда неприметный «троечник» Ваня Никитин стал приметным, о нём говорят, статья в журнале! Да это всё она! Ужо мы ей! И чёрная метка в виде заявления группы родителей лежит у директора в кабинете.

Вечером, после уроков, мне показали заявление, где были заклеены фамилии родителей (видимо, боялись, что я их расстреляю, что ли?!). К сожалению, а может быть, к счастью, листок мне не отдали, но суть такова: такого педагога, как я, нужно срочно изолировать от «элитников», потому что и не умеет, и не может, и не... При чтении этого листка мне всё время нужно было помнить, что монстр в заявлении — это я, и мои начальницы это несколько раз подчёркивали.

Обеспокоенные родители предлагали варианты спасения «элитного» класса. Когда история получила огласку, оказалось, что «незаклеенные» родители и тем более ученики класса вовсе не просили руководство школы меня удалить. Но, как сказала директор школы, документ поступил, и надо принять решение: или я доказываю, что я не такая (как?), или надо отдать класс.

На следующий день, 11 ноября 2009 года, я подала заявление об уходе из этой школы

вообще. Директор и её опричники поняли, что «перегнули палку», стали меня убеждать, что детей из неэлитного класса будет некому учить.

Потом приходили дети, и я долго думала, что бросаю тех, кто мне доверяет, и я осталась, но «элитный» класс отдала. Собственно, ради этого администрацией и затеян был весь скандал, ведь в «элитном» училась дочка одной из администраторш. В 2011 году пошла на выпускной вечер, не могла отказать приглашавшим меня ученикам «элитного» класса. Ваня Никитин после девятого класса ушёл в другую школу. Приходил недавно, говорит, что готовится к ЕГЭ, чтобы я за него не волновалась, благодарил меня...

А письмо Ваше пришло в школу, секретарь на ходу мне его вручила. Статью я отдала Ване, написала его родителям слова благодарности. Потом прошло время, и было много других событий.

Марк Максимович, спасибо Вам! Я в который раз убедилась, что ничего не бывает случайным, что и я, и Вы всё сделали правильно.

И ещё. Просто не могу об этом не написать.

Окна дома, где я живу, выходят на остановку одной из центральных улиц. Мои дети ушли по делам, я осталась и прилегла на диване. Но вдруг дом будто подпрыгнул. Услышала пронзительный звук и скрежет. Тут входит дочь и говорит, что непонятным образом в стену дома, через тротуар(!), врезалась машина. Автомобиль, как говорят, — всмятку. Я выглядываю в окно: напротив моего дивана — искореженная машина, из которой помогают выбраться... той важной даме из руководства школы и её дочке-отличнице. Тут уж затрясло и меня: они же могли погибнуть!

Я ещё раз им всё простила: нельзя носить в себе обиду, я точно знаю. Дай Бог им здоровья и счастья!

Тогда — три года назад — я не отправила Вам письмо с рассказом, как меня унижали, как издевались на допросе, поскольку была уверена, что Вы вмешаетесь, обратитесь к Главе города, к начальнику Управления. Понимала, что буду надолго защищена от высо-

комерных начальниц, но хотелось самой выстоять. Сегодня я уже не та, что три года назад, многое передумала, и родились такие мои стихи. Не судите строго — я же не поэтесса.

*Сказали мне жить без эмоций, без стресса.
Дышать тихо-тихо и всё отвергать.
Как будто оставили в сумраке леса,
А под ногами — болотная гать.*

*Как страшно идти по обманчивой тверди
И быть одинаково ровной всегда,
Когда за спиной всё клокочет и вертит!
А может быть, стоит порвать провода*

*И выйти на путь золотой середины?
Не здесь ли таится желанный секрет?
Но мне отвечают: там будут едины
Все доводы «за» и все доводы «нет».*

*Я сделала выбор — крутая дорога
Туда, где эмоции клубом кипят.
И я не стою и не жду у порога,
И шаг мой уверен. Пусть все замолчат.*

Вот такие мои слова. Дай Бог нам всем уверенного шага!

С уважением, ...»

* * *

Прокомментируем описанное.

Прежде всего вызывает недоумение то, что девочка училась в той же школе, где мать занимает должность одного из руководителей. Это непозволительно и не выдерживает никакой критики ни с точки зрения педагогики, ни с точки зрения этики. Ситуация была бы оправданной, если бы это было село, где всего одна школа. Но в городе, где произошли события, десятки школ, и есть гимназические и лицейские классы. В конце концов ситуация просто неприлична, а уж для начальниц — вдвойне.

Понимая всё это, зачем же тогда её допустили и мама девочки, и директор? Напрашивается один ответ: чтобы

М.М. Поташник. **Знай, сверчок, свой шесток: что бывает с теми, кто нарушает главную заповедь российских начальников**

«присматривать» за учителями, а то ещё ребёнку начальницы учинят какое-либо расстройство. Блатных нигде не любят, а уж так называемых «мажоров» — детей начальников, которые требуют к себе эксклюзивного отношения, тем более. И здесь учительница была обречена: любое её справедливое замечание воспринималось как предвзятое.

Ситуация с автомобильной аварией. Счастье, что все живы и ни у кого не было увечья, и это главное. Почему это произошло именно под окнами дома учительницы, которую унижали те, кто был в машине? Одни считают, что ничего случайного не бывает, что всякая случайность — непознанная закономерность, другие говорят о провидении, мистике, третьи утверждают: «Всякое зло рано или поздно, так или иначе, прямо или косвенно будет наказано». Я же считаю это случайным стечением обстоятельств.

Теперь о главном

Учительница подошла к лектору и передала хорошее стихотворение, написанное ребёнком. Увидеть в этом предосудительное может только начальник-самодур, мракобес, который полагает, что начальственная важность и презрение к подчинённым — неотъемлемая черта руководителя, ибо подчинённый не смеет ничего делать по собственной инициативе, без распоряжения начальников.

Будь начальницы неизуродованными людьми, они бы порадовались за своего ученика, который так вдохновенно написал о педагоге, за учительницу, которая оценила благодарного ребёнка, за то, что их школа и город названы были в статье. Но это для порядочных людей естественно, а для тех, кто считает себя чуть ли не Богом избранными, — нонсенс, ибо для них главное — их начальственная важность и чтобы всё хорошее происходило только по их повелению или с их ведома.

Учитель для них — ничтожество, которому можно не предложить сесть, сидя самим во время разговора, с ним изначально, априори можно разговаривать обвинительным, прокурорским тоном, не разобравшись, виноват он или нет.

Об учительнице. Теперь мне не страшно за неё, ибо, судя по её письму и стихотворению, она уже не та, что три года назад, и впредь не позволит себя унижать.

И ещё. С тех пор, как из рук учительницы я получил стихи Вани Никитина, я вот уже три года все свои лекции перед работниками образования во всех регионах страны начинаю с чтения тех стихов («А по школе сердечко всё ноет и ноет»), и, где бы я ни был, весь зал благодарно аплодирует автору стихов и его учительнице, имена которых я называю. Ах, если бы это понимали те начальницы, они бы извинились хотя бы за тот унижительный допрос. Но, увы, ...

Почему я не назвал номер школы, город и имена самовлюблённых наглых начальниц? Причина тут одна. Меня об этом попросили и начальник Управления образования, и Глава города, извинившись за директора школы, как оказалось теперь, не лучшей.

А имя учительницы русского языка и литературы, которая подарила мне вдохновенные стихи Вани Никитина о своих педагогах, я в конце статьи называю, чтобы все его знали и запомнили, — **Татьяна Валентиновна Пермякова. НО**

Вышла в свет новая книга
М.М. Поташника и А.В. Соложнина

«УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ»

---

*Пособие для работников
органов образования
и руководителей школ*

Справки по тел.: (495) 953-99-12.
E-mail: pedobsh@mail.ru